
 реальные истории
из жизни современных
писателей

КАК Я ИЗМЕНИЛ
СВОЮ ЖИЗНЬ
К ЛУЧШЕМУ

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

ТРАВА БЫЛА ЗЕЛЕНЕЕ,
ИЛИ ПИСАТЕЛИ
О СВОЕМ ДЕТСТВЕ

МОЙ ЛУЧШИЙ
НОВЫЙ ГОД

МОЯ ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

АЛЮШИНА ТАТЬЯНА • **БИРМАН** ДМИТРИЙ
БОРИСОВА АРИАДНА • **ВЕДЕНСКАЯ** ТАТЬЯНА •
• **ВОЛКОВ** РОМАН • **ВОРОНОВА** МАРИЯ •
• **ГАДОЛЬ** АЛЕКСАНДР • **ГОРЮНОВА** ИРИНА •
• **ЕСИПОВ** ВИКТОР • **ЖДАНОВ** ОЛЕГ •
• **КЛИМОВА** ЮЛИЯ • **КОРСАКОВА** ТАТЬЯНА •
• **КУЦЕНКО** НИКОЛАЙ • **ЛАВРЕНТЬЕВ** МАКСИМ •
• **ЛАЗАРЕВА** ЯРОСЛАВА • **ЛУНИНА** АЛИСА •
• **МАТКОВСКИЙ** МАКСИМ • **МОЛЧАНОВА** ИРИНА
ПОКРОВСКАЯ ОЛЬГА • **РАЙТ** ЛАРИСА •
• **РОЙ** ОЛЕГ • **РУБАЛЬСКАЯ** ЛАРИСА •
• **САДЛОВСКАЯ** МАРИЯ • **СЕНЧИН** РОМАН •
• **ТРОНИНА** ТАТЬЯНА • **ФОРШ** ТАТЬЯНА
ЧИЖ АНТОН • **ЩЕГЛОВА** ИРИНА •
ЮРЬЕВА ВЛАДА

Москва
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М87

Художественное оформление серии
и рисунок на переплете *П. Петрова*

Моя первая любовь : сборник. — Москва : Изда-
М87 тельство «Э», 2017. — 448 с.— (Перемены к лучшему).

ISBN 978-5-699-99409-0

Серия «Перемены к лучшему» — это сборники реальных позитивных историй из жизни современных писателей.

Забыть свою первую любовь невозможно. Была ли она счастливой или несчастной, разделенной или обреченной на непонимание, это чувство навсегда останется в сердце каждого человека, так или иначе повлияв на всю его дальнейшую жизнь.

Рассказы из этого сборника совершенно разные — романтические, грустные, смешные, откровенные... они не оставят равнодушным никого.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2017	© Матковский М., 2017
© Бирман Д., 2017	© Молчанова И., 2017
© Борисова А., 2017	© Покровская О., 2017
© Веденская Т., 2017	© Райт Л., 2017
© Волков Р., 2017	© Рой О., 2017
© Воронова М., 2017	© Рубальская Л., 2017
© Гадоль А., 2017	© Розенблит М., 2017
© Горюнова И., 2017	© Сенчин Р., 2017
© Есипов В., 2017	© Тронина Т., 2017
© Жданов О., 2017	© Форш Т., 2017
© Климова Ю., 2017	© Чиж А., 2017
© Корсакова Т., 2017	© Щеглова И., 2017
© Куценко Н., 2017	© Юрьева В., 2017
© Лаврентьев М., 2017	© Оформление.
© Лазарева Я., 2017	ООО «Издательство «Э»,
© Лунина А., 2017	2017

ISBN 978-5-699-99409-0

ЛАРИСА РУБАЛЬСКАЯ

«Я всегда любила слушать рассказы людей. А потом пересказывать их своими словами, попутно добавляя то, что, как мне казалось, сделает сюжеты более интересными. Так появились рассказы и стихи. Теперь это стало главным в моей жизни», — рассказывает Лариса Рубальская, поэт, чье имя знают повсюду в нашей стране.

МЫ В САДОВНИКОВ ИГРАЛИ...

Никогда я не была симпатичной, стройной тоже никогда не была. Потому-то и в моей жизни личной невеселые творились дела. За подругами бежала удача, а меня повстречает — и сразу прочь! Я сейчас, все вспоминая, не плачу, а тогда ревела каждую ночь.

Заметьте, если все, написанное выше, расположить в столбик, строчечка за строчечкой, как пишутся стихи, то именно стихотворение и получится. А стихов-то могло у меня и совсем не быть, если бы в школьные годы да и в юности моей горемычной все складывалось гладко и счастливо. Но это совсем не про меня. А про меня — дело было так. Да, вернее, дела никакого в общем-то не было, просто мне нравились белобрысые пацаны с бледно-голубыми глазами. Да еще чтоб не очень длинные, а так, чтоб на цыпочки не вставать, когда целоваться. Ну это, конечно, если желающие найдутся.

Ну вот как раз Алик такой и был, какие мне нравились. Правда, тогда, когда я в него влюби-

лась, он еще рос и мог вырасти в дылду. Нам было лет по двенадцать, и в то время я еще до конца не знала, откуда дети берутся. Нинка, подружка моя, говорила, что от поцелуев. И поэтому надо на всякий случай в аптеке купить гигиеническую губную помаду и красить губы, если вдруг кто-нибудь целоваться полезет. Правда-правда, мы такими дурехами были в ту — докомпьютерную — пору и до всего того, откуда мы могли это знать. А Бакланова Валька, староста наша, на ботанике что-то подозрительно хихикала, когда мы пестики с тычинками проходили. Но я всегда и во всем была опаздывающим человеком, развивалась на медленной скорости. А вот влюбилась по-настоящему почти первая из класса.

Алик Кружилин был генеральским сыночком. Неподалеку от нашей школы располагались солдатские казармы. И там, на территории, стоял дом, в котором жила семья генерала Кружилина, отца Алика. Бакланова у них дома была — подтягивала Алика по русскому языку. Она рассказывала, что хрустала в квартире генеральской видимо-невидимо: вазы всякие, конфетница-ладья. Правда, без конфет. Может быть, конфеты прислуга вынула и убрала к приходу Баклашки, чтобы не дразнить. В общем, о богатстве хрустальном Баклашка нам с Нинкой по секрету рассказала. Она, оказывается, когда по русскому подтягивала, сама дрожала от страха. Потому что напротив сидела огромная овчарка и рычала, как только Валька пробовала пошевелиться. Овчарку звали то ли Патрон, то ли Погон. Валька от страха не расслышала, а переспросить постеснялась. Родителей Кружилиных дома не было, зато прислуга ихняя дверь в комнату не закрыла и каждые пять минут заходила послушать — правильно ли Баклашка Алика подтягивает.

В общем, я влюбилась, прямо заболела даже. Правда, без температуры. Потому что, если бы температура поднялась, бабушка меня бы в школу не пустила, а мне обязательно надо было Алика видеть, чтоб не умереть от грусти.

«Было мне тогда двенадцать лет всего. Я случайно посмотрела на него...»

Это, по-вашему, что? Это из моих «ранних произведений». Не подумайте, что я помню всякую ерунду, которую писала на листочках в школьных тетрадках. Я вообще не находила, что в рифму пишу. Но вот недавно какие-то бумажки старые рвала и выкидывала, и вдруг мне в руки попала тетрадка, я открыла и прямо чуть не заплакала на листочки желтые в клеточку. И вспомнила, что моя школьная подружка, Надька, аккуратистка и отличница, по чистописанию одни пятерки, все мои «произведения» собирала и записывала. Вот эта тетрадочка и была ее ровненькими бисеринками исписана, и, промокая свои потекшие ресницы, я вспоминала, вспоминала...

Что за чем — точно не помню, но так, беспорядочно, близко к правде, расскажу.

Про то, что я влюбилась в Кружилина Алика, школа узнала очень быстро. Все потому, что написанные мной строчки точненько легли на популярную в то время мелодию под названием «Венгерское танго». Там еще припевчик был такой заманчивый: «Войдем с тобой мы в ресторанный зал, нальем вина в искрящийся бокал». А в моей песенке получилось: «Он и не взглянет в сторону мою, ему напрасно песню я пою...» Ну и так дальше. Тоже красиво вроде получилось. И как-то очень безнадежно — так девочки наши сказали, а сами

песню разучили. И спели ее нам на каком-то вечере или утреннике, не помню. Ну а потом старшеклассницы, когда учили слова, узнали, что я их придумала. У меня-то там в запеве слово «мальчик» было, я не стала Алика вставлять, хотела тайну свою сердечную не раскрывать. Люблю себе и люблю. А эти дылды стали вместо «мальчик» петь имена своих пацанов — кто Юрик, кто Владик. Ну, в общем, дошло до моего героя, что это про него песня, и он меня возненавидел. До этого просто не замечал, а тут взбесился прям. Из школы шли, он меня портфелем по голове огрел, да еще в рифму крикнул: «Рубала, заткни хлебало». Грубо и жестоко. При чем тут «хлебало», когда строчки складывают сердце и душа, а их заткнуть невозможно?..

Как-то раз ехидная Нинка на физкультуре через козла прыгала и приземлилась мимо мата. Подумашь, коленкой долбанулась! Так Алик к ней скорей подбежал, присел на корточки, на коленку дует. А там и крови-то нет. А Нинка радуется, на меня посмотрела, увидела, что я того гляди от ревности зареву, и еще сильнее разохалась. Так что после уроков Алик ее провожал до дома, портфель нес. Ну а я домой — ронять слезки и творить «бессмертные» строчки: «Я по Алику страдаю, грустно слезы проливаю. Он меня не замечает, на любовь не отвечает».

Зачем только Надька эти строчки дурацкие записывала и переписывала на чистовик?

Ура! Мы перешли в восьмой класс! Я тоже перешла, с одной четверкой... Остальные — тройки. Четверка, ясно, по поведению. Не пятерка, так как я на уроке слушала невнимательно, смотрела весь урок в окно. Вообще-то мне надо было поставить

«пять с плюсом», потому что в оконном квадратике синело весеннее небо. И кто-то с небес мне диктовал строчки:

Про весну календари говорят нам в марте.
Ничего не говорит мой сосед по парте.
Он записку мне вернул, даже не читая.
Что он знает про весну? Ничего не знает.

Не так уж плохо вроде. А химичка — замечание в дневник: «Мечтает на уроке о постороннем». Ну и ладно, все-таки четверка эта мои тройки украшала. А мама с папой поведение мое обсуждать не будут — они знают, что дочка у них хорошая, отзывчивая и добрая. Жалко только, что неуч получается — одни тройки. Правда, непонятно, почему по литературе-то «три»? Она, то есть я, стихов столько наизусть знает и читает с выражением. Это у нее, то есть у меня, с детства. В три года «Мужичок с ноготок», как артистка, на табуретке гостям читала, жмурилась на словах «был сильный мороз». Да ладно, учителям видней, ничего не поделаешь.

А «Ура!» — это потому, что мы всем классом в поход идем. С ночевкой в палатках. Это значит — ночь, луна, костер. И он рядом — Алик! И я решила его ледяное сердце поэзией растопить. Ну не дундук же он совсем, должен же понять!!!

Продумала я, как все будет, даже, можно сказать, сценарий составила.

Первым делом выучила наизусть Лермонтова «Мцыри»: «Печальный демон — дух изгнания». Особенно репетировала перед зеркалом куплет: «О, милый мой, не утаю, как я тебя люблю. Люблю, как вольную струю, люблю, как жизнь мою...» Получалось очень красиво — я закрывала глаза, прижимала руки к сердцу. Конечно, меня беспокоило, что Алик «Мцыри» может не знать и не понять. Он же все-таки из семейства «Аты-баты, шли солдаты». Но сердце-то у него есть, оно должно услышать.

А дальше события должны будут развиваться так. Чтоб костер не погас, около него будут по двое дежурить, дровишки подбрасывать. Называется это «дневальные» — так учительница объяснила. А остальные в это время пойдут спать. И вот я решила разработать хитрый план, как на это дежурство с Аликом вдвоем остаться, и тут как раз ему при помощи Мцыри в любви признаться.

Я знала, что, если дневальных будут назначать по желанию, Алик ни за что со мной не пожелает. Оставалась надежда на ехидную Нинку — он же нес ее портфель, значит, и дневалить с ней наверняка захочет. И я решила Нинку подкупить. Для этого подкупа кому-нибудь другому книжка хорошая подошла бы, но не для Нинки. И я пошла на подлость — взяла у мамы губную помаду. Правда, самой помады там почти не было, и мама сама, чтобы губы накрашивать, спичкой остатки выковыривала. Но футлярчик был целый — золотой, в рубчик. Я долго боролась со стыдом — взять вещь у мамы. Но оказалось, что любовь — самое сильное из всех возможных чувств. Я решила, что потом маме во всем признаюсь и она меня поймет. А Нинка за этот футлярчик для меня что хочешь сделает. И я надеялась.

Дальше план должен был продвигаться так: ее, Нинку в смысле, с Аликом назначат дежурить ночью у костра, а как только время пойдет, Нинка схватится за живот и убежит в кусты, типа живот схватило, видно, что-то съела не то. А потом вернется, разное, что у нее вроде как аппендицит разыгрался и она у костра сидеть не может. И тут как тут я — верная подружка — выскочу из палатки Нинку выручать (иди, мол, полежи, а я, так и быть, за тебя подежурю).

Для верности осуществления своей мечты я решила в поход одеться по красивее. Даже лучше, чем Лукашова Ирка, у которой отец в Румынии работал в посольстве и привез ей оттуда разной одежды — кофточек, юбочек. Переплюнуть Ирку было очень сложно, но и здесь должна была прийти на по-

мощь мама, вернее, ее новая кофточка. В то время в Москве появились китайские товары, доставая которые женщины стояли ночами в очередях у магазинов. Вот таким способом мама моя «достала» китайскую вещь — шерстяную кофту кирпичного цвета с золотыми пуговицами — на застежке, на кармашках, и даже одна внутри пришита, если вдруг какая-нибудь потеряется. Кофточка эта лежала, аккуратно сложенная, и ждала дня своего первого выхода в свет, когда мама и папа пойдут в гости к другу папы, Григорию — дважды Герою Советского Союза. Но это должно было произойти уже после нашего похода, так что премьера кофточки переносилась в связи с моим решением, ничего не говоря маме, взять ее заветную вещь с собой в лес. И там, перед тем как начать Лермонтова читать, как раз ее надеть. Ну, тут уж Алик, предположительно, должен был сдаться в плен моим недетским чувствам и ответить взаимностью, притом навсегда. Правда, как это могло бы выглядеть, я еще себе не представляла. Но механизм завоевания недоступного Аликова сердца был запущен, и все понеслось по плану.

Наступила долгожданная походная ночь. Нинка завопила в кустах, я в кирпичной кофточке выскочила из палатки, и мы поменялись местами. Было часа три ночи, самый сон. Я подумала, что можно немножко поспать перед самым признанием. Так сказать, слегка отодвинуть свое счастье. Я задремала у костра, Алик должен был следить за огнем и подбрасывать дрова.

Ничего не успев понять, я вдруг почувствовала страшное жжение на спине и, ничего не осознавая, заорала во все горло: «Горю!» Помню, тут все проснулись, повыбегали из палаток. Учительница орала громче меня. На меня стали лить воду, тушить пожар на моем теле. Что же произошло, я поняла потом. Оказывается, Алик меня, спящую, решил

подвинуть поближе к костру; он потом, оправдываясь, врал: чтобы я не замерзла. Я-то знаю, что он **именно хотел**, чтобы я обожглась. Жестокий, ужасный мальчишка. Но я его любила и готова была защищать и от наказания, и от гнева училки. Но...

Кофточка китайская кирпичного цвета уже кофточкой не была — просто застежка с пуговицами и два рукава. Спина вся сгорела. На теле моем, правда, следов пожара не осталось, как это так — не знаю сама. Я боялась возвращаться домой. Врать я никогда не умела, а рассказывать правду было стыдно и маму жалко.

Все обошлось затрещиной по затылку тяжелой рукой отца. Но это была не первая затрещина, ясное дело. И я легко ее пережила, потому что она была вполне заслуженной. А отца я очень-очень любила и знала, что он всегда прав. И маму любила тоже очень-очень. Притом без всякого «Мцыри».

Девятый класс: химичка дура, ну и так далее. Какие там алгебра с химией! У нас в классе событие — переводом из другой школы к нам явилась Козихина Маргарита, которая побывала под своим именем и фамилией ровно одну минуту, пока ее училка представляла. На второй минуте к ней устойчиво и навсегда прилипло прозвище Коза. Ну, по фамилии, ясно же. Но на вид она козой совсем не была — красивая, высокая, волосы завиваются. Всем сразу стало понятно, что Ирке Лукашовой никакие заморские вещи не помогут победить красоту Козы. И еще стало ясно, что ехидной Нинке портфель уже никогда никто, по крайней мере — Алик, не понесет. Хотя каждый день падай на физкультуре с козла. Со мной началась паника — и так моя безнадежная влюбленность катилась из глаз горькими потоками каждый день. Но все это было сущей мелочью по сравнению с тем, как Алик смотрел на Козу своим первым взглядом, с которого так часто

все и начинается. В смысле любовь. Притом не он один — в нее сразу влюбился весь наш класс... конечно, кроме меня. Но я виду не подавала. На самом деле в этот миг во мне проснулся гений злодейства. Я еще не знала, как он будет действовать. Но вкус коварства уже ощущала.

Коза, ничего не подозревая, уселась со мной за парту и предложила после уроков всем классом пойти погулять в Сокольники — «там накрывает столики опавшая листва...». И все обрадовались и стали ждать, когда закончатся уроки.

В Сокольниках осенняя красота захватила всех. Я даже не думала, что наши мальчишки могут быть такими сентиментальными, идут молча, листья собирают.

Кольцова Оля, самая тихая девочка в нашем классе, предложила поиграть в «Садовников», чем вызвала у меня подозрение — не влюблена ли она тоже в Алика? Я подозревала всех девчонок, в каждой видела соперницу. «Садовники» — это в ту пору была такая игра: «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...» Тут надо называть какой-то цветок, каждый сам себе название придумывал. Ну, цветок называешь, понятно, тот, под названием которого скрывается объект твоей любви или симпатии — в общем, интереса. Баклашка — Астра, Ирка — Ирис, Кольцова Оля — Ландыш. Я, конечно, хотела быть фиалкой, но фиалку уже себе присвоила Коза. Алик был Тюльпаном. Стали мы играть, мне еще более стало. Вы догадываетесь, кого тюльпан все время выбирал. А меня, Розу, между прочим, только один раз и выбрали. Притом Нинка. Притом по ошибке. Сама Нинка была Ромашкой, видите ли, любит — не любит, плюнет, поцелует. Я уже не помню, как заканчивалась эта дурацкая цветочная перекличка. Помню только, что было мне горько и обидно, и фиалковый аромат до сих пор вызывает у меня аллергию и слезы.